

Реплика

156

...И ЕЩЕ ПРИ ДАМАХ!

О том, как маркиз и атташе турецкого посольства хулиганили на сцене ГАТ «Эстония».

В начале недели в Таллинне проходил международный симпозиум по электроприводу. В последний вечер пребывания ученых в столице Эстонии мы решили развлечь гостей (после насыщенной программы) чем-то легким, бездумным, изящным. Для этого как нельзя лучше подходила оперетта Пала Абрахама «Бал в «Савойе» (Государственный академический театр «Эстония»). Действительно, волнующая воспоминаниями молодости музыка, прекрасные танцы, великолепные костюмы создавали гармонию, которую и должно нести искусство.

И вдруг в третьем, последнем акте блиставший аристократичностью манер маркиз де Фобле (заслуженный артист Эстонской ССР Вольдемар Куслар), разгневанный «несработавшими» советами своего друга, как выпутаться из любовной интрижки, по бульварному заорал на него! «Коган!». В ответ атташе турецкого посольства Мустафа Бей в белом парадном костюме, с красной лентой почетного legionера через плечо (заслуженный артист Эстонской ССР Ханс Мийльберг), чуть не показав ему зад, рыкнул: «А ты деградированный Яровой!»

Зал взревел. То ли от неожиданности, то ли от восторга: этакое чудо ни один театр мира не видел со дня

постановки «Бала в «Савойе», т. е. с 1932 года. Однако ни тухлых яиц, ни гнилых яблок на сцену не полетело. То ли от нынешнего дефицита этих продуктов, то ли никто не предвидел такой новеллы.

Чуть придя в себя от шока, я подумала: «А что? Политика начинает прочно входить в божественный храм искусства. И не надо удивляться, если вскоре в русском драмтеатре средневековые герои начнут обзывать друг друга «Сависаарами» и «Машками».

Только вот о чем печаль: как быть с иностранными гостями, желающими на досуге ознакомиться с эстонской культурой? Особенно с теми, к кому мы льнем в связи с нашей бедностью и страстным стремлением приобрести к заморским благам?

Справа от меня сидел наш старый литовский друг, доцент Каунасского политехнического института.

— Дикость, — шепнул он мне. — У нас давно все движения на равных представляются даже на телевидении.

Сложнее было с дамой слева — супругой профессора из Хельсинки. Она неловко ежилась, не зная, как вести себя в столь непривычной для нее обстановке.

В добрые старые времена воспитанные люди презрительно отворачивались от хама: «Фи! И еще при дамах!» Хулиганам в приличном обществе давали пощечину или бросали перчатку. А у нас теперь, когда каждое ненароком оброненное слово вызывает взрывоопасную ситуацию?

Где вы, хотя бы средства массовой информации, обязанные напоминать о нравственности — каждое «средство» своему читателю? Ау, «Reede»?

Л. НЕЛЬК.